

Читателям нашего Вестника и научных трудов института имя Владимира Шаронова уже хорошо известно. В его работах представлена широкая панорама возникновения Ленинградской (Санкт-Петербургской) культурологической школы, освещен творческий и научный путь одного из классиков советской теории культуры профессора С. Н. Иконниковой и т. д. В минувшем году благодаря многолетней исследовательской работе В. И. Шаронова в культурный фонд страны было возвращено теоретическое наследие русского религиозного мыслителя Анатолия Анатольевича Ванеева, ученика и последователя Льва Платоновича Карсавина. Сразу шесть самых авторитетных богословских, философских и культурологических научных журналов опубликовали его материалы с предисловиями и комментариями Владимира Ивановича. Но главным успехом, без сомнения, можно считать завершение многолетних поисков личного архива Анатолия Ванеева и передачу их в запасники государственного хранилища. Это собрание документов позволило выполнить уникальную работу по культурологической реконструкции жизненной и духовной биографии автора одной из самых значительных работ о жизни и философии Льва Карсавина.

Мы благодарны В. И. Шаронову за то, что именно в нашем журнале будет впервые рассказано о том, как состоялся в качестве оригинального религиозного мыслителя, казалось бы, обычный советский человек, атеист Анатолий Ванеев, чьи идеи открывают большие перспективы для нового понимания отношений секулярной и религиозной сфер, выводят их из круга непримиримых взаимных оценок.

УДК 008.001+13

В. И. Шаронов

кандидат педагогических наук

Западный филиал РАНХиГС,
Калининград, Россия

E-mail: sharonovvi@gmail.com

УМОПЕРЕМЕНА АНАТОЛИЯ ВАНЕЕВА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЗНЕННОГО И ДУХОВНОГО ПУТИ УЧЕНИКА ЛЬВА КАРСАВИНА

Наследник

Вниманию читателей представлена первая статья из серии научных очерков (всего планируется три публикации) о жизненном пути и культурном самоопределении в условиях государственного советского атеизма Анатолия Анатольевича Ванеева. Под влиянием встречи с одним из крупнейших русских религиозных мыслителей А. А. Ванеев переосмыслил свой личный материализм и обнаружил способность к независимому теоретическому мышлению. Оригинальные идеи Ванеева о взаимосвязи религиозной и светской сфер культуры открывают новые перспективы для российских культурологических исследований.

Ключевые слова: Карсавин, Ванеев, атеизм, религиозное сознание, секулярная культура, русская религиозная философия, реконструкция биографии

Для цитирования: Шаронов, В. И. Умоперемена Анатолия Ванеева: культурологическая реконструкция жизненного и духовного пути ученика Льва Карсавина. Наследник / В. И. Шаронов // Вестник культуры и искусств. – 2023. – № 2 (74). – С. 52–64.

Вступление

Анатолий Анатольевич Ванеев (1922–1985) известен культурологам и историкам русской мысли, специалистам по русской религиозной философии преимущественно как автор книги «Два года в Абези», представляющей собой оригинальную авторскую версию основных идей, интеллектуальный портрет одного из самых значительных русских ученых и мыслителей Льва Платоновича Карсавина (1882–1952) в последний период его жизни. Имя Ванеева зазвучало ровно сорок лет назад, когда машинописная версия его книги появилась в самиздате, а затем была опубликована большими тиражами в стране и зарубежных издательствах [3–6]. Текст неизменно производил сильное впечатление на читателей, особенно специалистов по истории русской культуры. Появление этой книги стало заметным событием, она продолжает цитироваться в научных и популярных работах, посвященных судьбе русского ученого и мыслителя¹ и другим известным узникам инвалидного лагеря в Коми АССР². Сам Карсавин признавал редкую философскую одаренность Ванеева, назвав его человеком, «раненным истиной» [7, с. 52]. В наше время эта оценка подтвердилась публикацией его религиозно-философских работ в авторитетных изданиях ведущих научных центров страны и зарубежья [2; 9; 10; 12; 13; 17; 29; 30].

Встреча с Карсавиным стала самым важным событием в интеллектуальной и духовной жизни Ванеева. Формально он был обычным школьным учителем физики и не имел законченного высшего образования. Близкое общение с Карсавиным повлекло радикальную переоценку мировоззренческих представлений,

¹ Ванеев категорически возражал против отнесения своего произведения к жанру мемуарной литературы, называя его «множественным идеологическим диалогом». Понятие идеологии он использовал в качестве характеристик персонажей книги, в его философском значении как совокупность ценностей личности.

² В том числе теоретик художественной культуры искусствовед Николай Пунин, египтолог Михаил Коростовцев, историк искусства Виктор Василенко, литературовед Юрий Герасимов, режиссер Александр Гавронский, журналист-авантюрист Виктор Луи, тайный монах и военный переводчик Николай Романовский, еврейский поэт Самуил Галкин, первый ректор Руссикума иезуит Венделин Яворка, физик-теоретик Антанас Жвиронас и др.

пробудило в нем, последовательном материалисте, религиозную мысль. Тема взаимоотношений веры и неверия стала сквозной для всех его философских работ. Ванеев был убежден, что современный атеизм «естественно вырастает из христианства и является его предельным выражением» [8, с. 191]. Это положение имеет принципиальный характер: оно, с одной стороны, указывает на христианские истоки современной секулярной культуры, с другой – позволяет преодолеть сугубую негативную оценочность, препятствующую глубокому осмыслению атеизма и современной религиозности.

Парадоксально, но при всей значительности фигуры ученика и последователя Карсавина все, что к сегодняшнему дню известно о его судьбе и творческом пути, можно уложить в несколько предложений [См.: 16]. Это определило *цель данного исследования*: на основе личного архива Анатолия Ванеева³ и исторических источников воссоздать его биографию и процесс экзистенциального самоопределения, становление в качестве религиозного мыслителя, автора оригинальных идей.

Актуальность исследования: с обретением в стране религиозной свободы вопросы о Церкви и христианском вероучении, подобные тем, что возникли у Ванеева, появляются у многих российских людей. Практически все они получили образование согласно научно обоснованным программам, методично прививающим человеку соответствующий характер мысли. Взаимоотношения между религиозным мировосприятием и научным мировоззрением исторически крайне противоречивы как на межличностном уровне, так и в социально-культурной проекции. Они представляют собой совокупность новых вызовов современной секулярной культуры по отношению к традиционной религиозности. Столкновение этих двух позиций ставит человека в положение трудного выбора, способного провоцировать различные виды сектантства, возникновение субкультур-

³ В настоящее время архив проходит процедуру описания в Российском государственном архиве литературы и искусства (Санкт-Петербург). Фонду присвоен шифр F 1012. Далее для экономии места ссылки на документы личного архива А. А. Ванеева при их цитировании отмечены знаком «#».

ных и политических идеологий, подкрепляемых авторитетом церковного вероучения или научных теорий.

Структурно очерк разделен на части, соответствующие этапам личной биографии Анатолия Анатольевича Ванеева. В первой из них реконструирована история его семьи начиная с деда – Анатолия Александровича Ванеева (1872–1899), близкого друга и соратника В. И. Ленина по политической борьбе. Этот этап вобрал в себя период молодости главного героя очерка, войну, ранение, участие начинающего автора в литературной студии при Ленинградском отделении Союза писателей СССР.

Вторая часть – от ареста до приговора и жизни в лагерях – посвящена жизни и взглядам Ванеева в неволе до его встречи с Карсавиным. В третьей части представлена панорама становления Ванеева в качестве самостоятельного религиозного мыслителя под влиянием его встречи со своим Учителем.

В качестве *основных методов исследования использовались*: историко-биографический, нарративный, историко-генетический и другие классические методы культурно-исторических исследований, в том числе источниковедческий анализ и историко-культурная реконструкция.

Основным методологическим подходом стала идея самого Ванеева о том, что биография религиозного мыслителя лишь тогда может считаться раскрытой в своем главном значении, когда она дает представление, как в судьбе человека «христианская идея находит себя в конкретном, а живое конкретное внутренне напряжено настолько, что разрешается в идею» [11, с. 345].

***

Интеллектуальная биография Анатолия Анатольевича Ванеева совсем не соответствует трафаретам одномоментного религиозного озарения и визионерства, наиболее популярным в среде отечественной церковно ориентированной культуры. Он, убежденный многолетний материалист и советский обыватель по своим социальным стереотипам и культурным представлениям, под влиянием общения с глубоким религиозным мыслителем постепенно, но радикально переосмыслил свои взгляды и в результате экзистенциального самоопределения

состоялся как религиозный мыслитель. Этот уникальный по своему содержанию процесс в сочетании с оригинальностью идей Ванеева представляет собой культурный феномен и ключ к новому пониманию многих проблем современной отечественной культуры.

Биография и история интеллектуального пути Ванеева как религиозного мыслителя выходит за рамки сугубо информационного изложения жизни как вереницы связанных или непредвиденно совпавших событий. В нем соединились представления российской интеллигенции, воспитанной в принципиально различные периоды отечественной культуры. Карсавин был на сорок лет старше своего ученика и формировался в культурной атмосфере хоть уже и «треснувшей», «надломленной»⁴, но все же еще не пресекавшейся церковной традиции и в условиях государственного статуса Православия. Он получил классическое гимназическое и университетское образование в период высшего развития отечественной гуманитарной науки.

Становление же личности Ванеева происходило под влиянием институций, воспитывающих противонаправленные карсавинским представлениям и ценности. Семья Ванеева и он сам искренне чтит идеалы совершенной революции. Родители и школа воспитали в юноше доверие к государственной власти и большевистской партии с ее богоборческой идеологией. Культурная и образовательная сфера в 30–40-е гг. XX в. была крайне обеднена вследствие систематических изъятий из нее по тем или иным политическим основаниям огромных пластов.

В школе Анатолий Ванеев добросовестно усвоил марксистско-ленинские трактовки действительности в их сталинском изводе. Он шаг-

⁴ Использованы характеристики В. В. Зеньковского о всеединстве С. Л. Франка [14, с. 805]. Однако в смысле разрыва между сверхпочтением по отношению к науке и одновременно искренним исповедничеством христианской веры почти всеми русскими религиозными философами конца XIX – начала XX в. о «треснувшем всеединстве» можно говорить как общем признаке. Не случайны в этом смысле слова Ф. М. Достоевского в письме к Н. Д. Фонвизиной: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [15, с. 96].

нул во взрослую жизнь одновременно с выходом «Краткого курса ВКП(б)» и продолжил ее в атмосфере последующего господства положений этого документа во всех сферах отечественной теории и общественной практики страны.

Основная профессиональная деятельность Анатолия Ванеева связана с учительством: с 1943 по 1945 г. он преподавал физику в ленинградской школе № 33. В феврале 1955 г. после реабилитации продолжил работать в ней же. С 1960 г. перешел в школу № 30, а с 1968 по 1976 г. заведовал кабинетом физики в Ленинградском институте усовершенствования учителей⁵. Он был рядовым учителем в стандартной советской школе, разве что чуткие по своей детской природе ученики, повзрослев, вспоминали его способность открывать в них самостоятельность мысли и чувств [32, с. 92–93] и то, как он «поражал многих ребят откровенной и серьезной беседой на взрослые темы и “на равных”»⁶. И лишь немногие близкие друзья знали о Ванееве – религиозном мыслителе, самостоятельно размышляющем над главными духовными проблемами современного человека⁷.

И все же знакомые и коллеги не могли считать Ванеева рядовым человеком и учителем, поскольку его дед был высокочтимой фигурой большой истории революции и большевистской партии. Имя Анатолия Александровича Ванеева (1872–1899) в обязательном порядке указывалось в любой мало-мальски значимой статье по истории КПСС как принадлежащее ближайшему личному другу и соратнику Владимира Ульянова и одному из руководителей Петербургского отделения «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В качестве соратницы по политической работе упоминалась и его жена Доминика Васи-

льева Ванеева, до замужества Труховская (1874–1920). Она добровольно последовала за мужем в сибирскую ссылку и после революции посвятила себя делу детской педагогики⁸.

Ванеев действительно дружил с Ульяновым, Крупской, Кржижановским, братьями Красиными, Мартовым и другими будущими большевиками. Оборачиваясь к общему кружковскому прошлому партии, Ленин свидетельствовал, что группы, подобные «Союзу борьбы», были «тесными, замкнутыми, почти всегда на личной дружбе основанными и сплачивали очень малое число лиц» [20, с. 105].

На особые теплые отношения Ульянова к Ванееву указывает то, что во многих ленинских письмах из сибирской ссылки часто и тепло упоминается Анатолий Александрович [См.: 18; 27, с. 36]. Некоторые из них отличает непривычная для Ленина мягкая человеческая интонация. Еще более трепетно вспоминала об Анатолии Александровиче академик Ольга Борисовна Лепешинская: «Ни о ком не хочется поведать с такой силой, как об Анатолии Ванееве. <...> Немного он прожил, почти юношей сошел в могилу, но в сердцах тех, кто знал его, этот образ нравственной чистоты и доброты остался навсегда» [19, с. 86].

Жандармы, осуществлявшие надзор за ссыльной группой марксистов, давали Ванееву совсем другие характеристики. Они выделяли не В. И. Ульянова и кого-то из других, а скромного А. А. Ванеева. В полицейских документах он считался «самой вредной личностью из числа всех гласно-поднадзорных по своему влиянию на людей, приходящих в соприкосновение с ним» [Цит. по: 26, с. 33]. Однажды он смело и публично обвинил вновь назначенного исправника в неуважении к законам Российской империи: тот попытался отобрать у «политического» ружье. Показательно, что оружие представителю власти Ванеев так и не отдал⁹. Еще одной уникальной чертой Ванеева-марк-

⁵ Трудовая книжка А. А. Ванеева – #.

⁶ Сообщил бывший ученик А. А. Ванеева Борис Дмитриевич Сыромятников в письме от 04.02.2021 к автору настоящего очерка.

⁷ Характерна реплика возмущения на похоронах Ванеева после того, как Константин Константинович Иванов, близкий друг и многолетний теоретический собеседник усопшего, произнес некролог о прощании со значительным религиозным мыслителем. Коллега по школьной педагогике, возражая, воскликнул: «Нет! Мы хороним другого Ванеева. Для нас он был материалистом!» (сообщено автору настоящего очерка самим К. К. Ивановым).

⁸ Педагогическая деятельность Д. В. Ванеевой-Трухановской проходила в г. Бор Нижегородской области, где она и была похоронена.

⁹ Внук революционера, сам став политическим ссыльным в Инте, и помыслить не смог бы о владении ружьем. Он научится радоваться простой возможности попробовать моршки или брусники, этого «противоядия от цинги, созданного самой тундрой» // П. от 05.12.1954. – #.

систа была способность переходить от мягкости и спокойствия к страстности, если дело касалось обсуждения теоретических вопросов. Он сохранил это качество своего характера до последних часов жизни в ссылке [19, с. 82]. На его похоронах в с. Ермаковском неподалеку от Шушенского Ленин произнес горячую речь, не преминув при этом сделать выговор М. А. Сильвину за приглашение священника:

«На кой, собственно, черт это ему [Ванееву] нужно!» [22, с. 109].

Ванеев-внук наследовал это сочетание личной скромности и сильного характера. До конца жизни он сохранил почтительное отношение к своему знаменитому деду, собирая все обращения из музеев и приглашения на торжества, и даже небольшие вырезки из газет. При этом Анатолий Анатольевич старался уклониться от роли ритуально-революционного внука и принимал участие преимущественно в редких встречах однополчан своего погибшего отца А. А. Ванеева (1899–1941), с которым был полной тезкой.

Забавный факт: история личных связей Ванеевых с вождем большевиков не ограничивается дружбой с ним Анатолия Александровича. Старший правнук Анатолия Александровича – Александр Анатольевич Ванеев (1957–2009) как-то пошутил, что «в тюрьму из-за Ленина попали оба наших деда»¹⁰. Он имел в виду купца, судебная тяжба против которого вошла в лениниану как главная юридическая победа помощника присяжного поверенного В. И. Ульянова.

История эта случилась потому, что сызранский купец Александр Николаевич Арефьев (1844–1905), владевший пароходом, самочинно монополизировал переправу через Волгу и вытеснил лодочников. В 1892 г. Ульянов все же нанял владельца лодки, но до противоположного берега так и не добрался: люди Арефьева на середине реки забагрили плоскодонку и вернули назад. Начинаящий юрист подал иск, и купца посадили в тюрьму на месяц [28, с. 49–52]. Такой приговор считался позорным. У купца было семь дочерей, самая младшая – Фелицата (1898–1959) в 1918 г. стала женой

¹⁰ Сообщено автору статьи Львом Ванеевым, братом Александра в письме от 18.12.2022.

Анатолия Анатольевича Ванеева-среднего и мамой будущего ученика Карсавина. Ради воспитания сына она, золотая медалистка Сызранской первой женской гимназии и выпускница 1916 г., не продолжила учебу и всю жизнь работала машинисткой¹¹.

В главных координатах семейный уклад Ванеевых определялся лихорадочной производственной работой главы семьи. По своим взглядам он был сугубым атеистом: «К чорту попов и монахов!»¹² Юношеский романтизм в отце Анатолия сочетался с горячей верой в научный прогресс. По мере взросления это закрепило в способность к самоотверженности и самопожертвованию с той лишь разницей, что объектом его истового служения стала не революция, а развитие советской радиоэлектроники.

Обладатель аттестата и серебряной медали¹³, выпускник 1918 г., Ванеев-средний отличался не рядовой целеустремленностью. Так, получив единственную четверку по иностранным языкам, он после школы самостоятельно довел их знание до такого уровня, что среди коллег считался лучшим знатоком французского и английского. Еще в старших гимназических классах Анатолий Ванеев стал жить почти самостоятельно, зарабатывая на жизнь репетиторством¹⁴ и почти сразу по окончании гимназии женился.

После свадьбы молодые на год перебрались в Сенгилеевский уезд Симбирской губернии, где Анатолий работал секретарем уездного отдела здравоохранения. После призыва в армию у врачебной комиссии возникли подозрения на туберкулез, и это стало причиной освобождения Ванеева от военной службы. В 1920 г. он поступил на электромеханический факультет Нижегородского университета и в 1921 г. устроился в Нижегородскую радиолaborаторию¹⁵ порученцем знаменитого профес-

¹¹ Автобиография Ф. А. Ванеевой от 20.09.1946. – #.

¹² Блокнот с дневниковыми записями отца Анатолия Ванеева от 1917 г. – #.

¹³ Аттестат о восьмиклассном образовании Нижегородского дворянского института имени Александра II от 27.04.1918. – #.

¹⁴ Автобиография А. А. Ванеева от 22.07.1922. – #.

¹⁵ Из этой радиолaborатории выросло большое количество крупных закрытых предприятий электронной промышленности [25].

сора М. А. Бонч-Бруевича¹⁶. По ходатайству руководства лаборатории подающий надежды студент в 1924 г. был переведен в Петроградский электромеханический институт имени В. И. Ульянова (Ленина). До получения диплома в 1930 г. он совмещал учебу и работу.

Ванеев работал ведущим инженером-изобретателем Петроградской радиолaborатории, затем ведущим сотрудником в образованном на ее базе НИИ-34¹⁷. Институт входил в Наркомат авиационной промышленности и разрабатывал керамические конденсаторы для продукции военного и гражданского назначения [См.: 1]. С сентября 1937 г. по конец июня 1938 г. Ванеева как имевшего репутацию незаурядного инженера с крепким знанием языков в составе группы из семи человек направили американскую компанию RCA (Radio Corporation of America / Camden, NY, USA¹⁸) для освоения новейших технологий производства радиопередающего оборудования¹⁹.

Содержание писем к жене из-за океана, на первый взгляд, склоняет к тому, чтобы расценить автора натурой сугубо практической, сосредоточенной более всего на бытовой стороне жизни, хоть и не чуждой интереса к филателии, шахматам, покеру. Ванеев, конечно, не забывал в письмах из Америки интересоваться успехами Топки (домашнее имя сына), но эти краткие фрагменты не могут сравниться по объему с тщательным перечислением вещей, приобретенных в магазинах для супруги,

и с описаниями впечатлений от заграничных улиц и бытовых условий. И все же за этими бытовизмами скрывалась натура той тонкой душевной организации, что закрепляется еще в ребенке в результате острого переживания своего постоянного одиночества. В период ухода за Фелицатой он написал адресованные только ей автобиографические «Сказочки для Принцессы». В них он признается, в чем видит истоки своей замкнутой натуры: мать баловала его, но была полностью погружена в свою работу, а он рос, предоставленный самому себе²⁰.

Забота о материальном достатке жены и сына стала главной формой выражения любви главы семейства к своим Фенечке и Топке, но все же большую часть времени и сил инженер Ванеев отдавал работе. Мотив его постоянной усталости, невозможности выспаться, отдохнуть почти неизменно возникал в письмах Фелицаты к родственникам:

«Анатолий старший изматывается ежедневно вдребезги, стал страшен, как не знаю кто. <...> Денег все время нет, так что в театр и кино совершенно не ходим»²¹.

Ее письма к сестрам о сыне полны подробных описаний того, как и во что он играет. В одном из них она умиляется, как он, побывав с верующей бабушкой Е. В. Арефьевой²² в храме, полюбил облачаться в священника и декламировать строчки по Псалтыри: «Господи, воззвах к тебе, услыши мя»²³. В этом проявлении материнской любви нет ничего от ее религиозных переживаний, она не менее восторженно описывает, как Топка, играя во врача, отказывает в просьбе вылечить зуб:

«Я только пузы лечу»²⁴...

С раннего детства Фелицата поощряла интеллектуальное и художественное развитие своего обожаемого сына. Научившись читать и

¹⁶ Справка Управляющего Радиолaborатории с мастерскими Народного комиссара почт и телеграфа № 2161 от 18 июля 1922 г. – #.

¹⁷ В будущем НИИ был преобразован в НПО «Гироконд».

¹⁸ Первоначально RCA была филиалом компании General Electric, более пяти десятилетий доминирующей в области электроники и связи в США как крупный производитель радиоприемников и эксклюзивный производитель первых супергетеродинных наборов.

¹⁹ Командирование группы осуществлялось как часть огромной государственной программы. Следуя популярному тогда лозунгу: «Догнать и перегнать!» и используя депрессию в западных странах, СССР получал платную техническую помощь от капиталистических государств. Отраслевые наркоматы придали государственный масштаб зарубежному направлению групп из лучших советских специалистов для освоения новых технологий [См.: 31].

²⁰ «Сказочки для принцессы. 1918 г. – #.

²¹ Письмо Ф. А. Ванеевой сестре Зине от 11.03.1927. – #.

²² Письмо Ф. А. Ванеевой к сестрам Зине, Леле, Лене от 01.04.1926.

²³ Строка из Пс.140. Письмо Ф. А. Ванеевой к сестре Зине от 26.09.1926. – #.

²⁴ Письмо Ф. А. Ванеевой сестре Зине без даты от 1926 г. – #

писать в четыре года²⁵, мальчик вскоре стал пытаться складывать строчки в рифмы, осваивать игру на мандолине. Все это Фелицата всяческим образом поддерживала и даже ввела небольшие выплаты за высокие оценки в школе – 30 копеек за «отлично» и 10 копеек за «хорошо»²⁶.

В юности Ванеева было все, что сопровождало в 1930–1940-х гг. юность миллионов советских граждан: порывы целеустремленности сочетались с периодами сомнений в своих силах, чистота чувств – с рациональной циничностью первых обобщений о людях, продуманность отдельных решений и откровенная хаотичность в том, что представлялось маловажным. Анатолий играл в школьных спектаклях, вместе друзьями ходил в походы²⁷, стремился к самостоятельности и ему, очевидно, нравилось учиться, узнавать новое. В 1939 г. Ванеев стал лучшим выпускником и гордостью 20-й средней школы Петроградского района г. Ленинграда. Он получил школьный аттестат с отличием и отметкой о примерном поведении и праве без экзаменов поступать в любой вуз²⁸. Как убежденный материалист Анатолий осознанно избрал химический факультет Ленинградского госуниверситета. На это решение повлияла и постоянная нехватка денег в семейном бюджете, аргументы отца о перспективах разных секторов промышленности, принятие третьего плана третьей «пятилетки химии» (1938–1942), сразу сделавшего эту отрасль одной из самых востребованных у выпускников школ [21, с. 107].

Ко времени своей студенческой жизни Ванеев сложился в полноте противоречий мировоззрения советского человека. Он выше всего ставил в людях нравственные качества, но как многие его современники считал, что надо уметь подчинять индивидуальные моральные

ориентиры интересам коллектива, общества. Живой ум юноши тяготел к богатству мировой мысли, культуры и науки, но при этом он, как большинство молодых людей того времени, находился во власти сциентизма, позитивизма и доверия к положениям идеологической пропаганды. С разных сторон они навязывали представление о сугубо утилитарном предназначении личного мышления: мыслить – значит конструировать практически реализуемые проекты из «кирпичиков» усвоенных знаний. Впрочем, именно это было наилучшим образом понятно малограмотному населению, за столетия тяжелой крестьянской доли выработавшему в себе замечательную жизненную цепкость. Следуя этому духу общественного понимания мышления, Анатолий много, жадно, но совершенно беспорядочно читал, а ведущим рациональным мотивом такой его увлеченности книгами являлось все то же практическое использование освоенной информации для создания собственных литературных произведений и обогащения словарного запаса.

Студенческая жизнь Ванеева закончилась 11 октября 1940 г., когда он стал красноармейцем²⁹. Его учебная часть дислоцировалась в пригороде Ленинграда, и это позволило иногда встречаться с матерью и получать книги:

«По-прежнему много читаю и результат налицо, язык постепенно обогащается, освобождается от армейской нищеты»³⁰.

После окончания крайне нехитрого обучения с упором на политзанятия новоиспеченный боец стал командиром пулеметного расчета.

Вскоре после начала войны Анатолий Ванеев оказался на фронте. Его отца как квалифицированного радиоинженера и к тому же молодого коммуниста³¹ тоже мобилизовали консультантом по средствам связи в распоря-

²⁵ Письмо Ф. А. Ванеевой сестре Зине от 01.12.1926. – #.

²⁶ Письмо Ф.А. Ванеевой к матери. Без точной даты. Октябрь-ноябрь 1934 г. – #.

²⁷ За год до окончания школы Ванеев почти целый месяц с друзьями путешествовал под самодельными парусами по Свири на большой лодке, которой именно он дал имя «Рейзе», от нем. *Reise* – ‘путешествие’, первого слова сигнала к подъему на немецком флоте «В путь-дорогу!» // П. 9.06.1938 г. (Почтовая открытка) – #.

²⁸ Аттестат А. А. Ванеева от 23.06.1939. – #.

²⁹ В 1939 г. по причинам резкого ухудшения международной обстановки был издан Закон СССР от о всеобщей воинской обязанности, согласно которому студентов вузов стали призывать. Дата призыва Ванеева указана в письме матери от октября 1940 г. (день написания не указан). Далее для экономии места ссылки на письма к матери обозначены литерой «П».

³⁰ П. от 03.04.1941. – #.

³¹ В ВКП(б) отец Анатолия Ванеева вступил сразу после возвращения из командировки в США в 1939 г. // Анкетный лист А. А. Ванеева от 03.09.1940. – #.

жение командования Ленинградского фронта. Вскоре он стал политбойцом³² 54-го отдельного батальона связи 6-й бригады морской пехоты. В своих письмах отец просил жену прислать деньги для уплаты партийных взносов, написать о состоянии раненого сына и следить за появлением новых марок³³. В первых числах ноября 1941 г. батальон вступил в тяжелые бои и предположительно 04.11.1941 отец Ванеева погиб. Долгое время он считался пропавшим без вести³⁴.

Ранение в ногу самого Анатолия Ванеева оказалось настолько серьезным³⁵, что в конце декабря 1941 г. его пришлось перевезти в стационар блокадного города. Последовали многочисленные операции, врачи делали множественные попытки победить остеомиелит, возникший от занесенной в рану инфекции. Ванеев то возвращался к службе в Ленинграде, затем в Горьком, то опять попадал на больничную койку с очередным воспалением раны. Он часто и подробно писал матери, и эта бережно сохраненная обширная переписка от юности и до 1955 г. свидетельствует об особенно доверительных отношениях между ними.

В послефронтовой период выбор книг по-прежнему определялся настроением и случайными импульсами. Ванеев продолжил писать рассказы и даже начал работу над повестью «Без вести пропавший»³⁶. Из-за осложнений он многократно возвращался то в госпиталь, то

опять в часть, откуда без устали рассылал свои литературные опусы по редакциям журналов и издательствам³⁷, но письменного отклика так и не получил. Это только подстегнуло жажду словотворчества:

«Нет непреодолимых препятствий для тех, кто хочет победить жизнь. А я хочу, у меня есть цель, которой я достигну – большой и хороший стимул»³⁸.

Не в последнюю очередь такое настроение подстегивалось идеологическим форсированием общественных представлений о высоком предназначении советского писателя.

Литературе повезло больше, чем философии: в официальном звучании она наделялась функцией «спасителя многих сфер жизни», вплоть до ее специализации на «решении проблем промышленных и аграрных секторов» [24, с. 101]. И к тому же Сталин иногда мог лично подталкивать писателей к позиции, расходящейся с официальной точкой зрения на некоторые вопросы, призывал ставить их «острее, левее» [23, с. 116]. Но и литературную сферу тоже основательно процедили несколькими кампаниями по изъятию нежелательных авторов и книг и продолжали «репетировать» официальных авторов так, чтобы максимально выработать у каждого пишущего условный рефлекс самоцензуры. За немногими исключениями это получилось, и демонстрация идеологической преданности актуальному партийному курсу стала распространенным явлением советской литературы.

Писатель еще с дореволюционных времен воспринимался в нашем Отечестве как властитель дум, при большевистской власти это было дополнено массивной работой по раздуванию значимости фигуры советского писателя. В результате простые граждане видели в непосредственном общении с живым автором особенный факт своей биографии. Анатолию Ванееву, как и большинству таких же обывателей, Союз писателей СССР тоже представлялся творческим Олимпом. Знакомство с живым не-

³² Политбойцы – особая категория мобилизованных из числа членов партии и комсомольцев, в задачу которых входил подъем боевого духа личного состава на передовой. Интенсивный призыв в политбойцы часто был связан с обострением боевой обстановки и наличием превосходящих сил противника.

³³ Письма с фронта А. А. Ванеева-среднего к жене Фелицате Александровне от 20, 26.09.1941; 2, 14, 20, 27. 10.1941. – #.

³⁴ Письма ветеранов 6-й бригады морской пехоты и председателя совета музея предприятия В. И. Скрипкина Генеральному директору ЛНПО «Позитрон» от 05.01.1984. – #.

Извещение о том, что глава семьи пропал без вести, Фелицата Александровна получила только в марте 1942 г. До этого времени средняя заработная плата А. А. Ванееву в размере 1200 руб. сохранялась // Справка государственного завода № 436 от 22.08. 1945. – #.

³⁵ П. от 25.09.1941 г. (из прифронтового госпиталя с сообщением о раздробленной кости ниже колена) – #.

³⁶ П. от 12.08.1942. – #.

³⁷ Письма к матери от 08.09.1942; 30.09.1942; 26.02.1943; 12.08.1943 и др. (из воинских частей и госпиталей в пос. Белоостров / Ленинградская обл. /, г. Горький) – #.

³⁸ П. февраль, 1943 г. (день написания не указан). – #.

божителем – членом Ленинградского отделения СП СССР Борисом Дмитриевичем Четвериковым (1896–1981) он воспринял событием судьбоносным.

Эта встреча действительно поначалу перевела мечты Ванеева в жанр чудесной осуществляемой рождественской сказки. В 1944 г. его вместе с другом детства Эрастом Глинером³⁹ приняли в состав студии начинающего автора при ДOME писателей им. В. Маяковского. Руководил ею Борис Четвериков. И уже в январе 1945 г. имя Анатолия Ванеева значилось в программе литературного вечера под эгидой Союза советских писателей. И он, официально представленный как молодой писатель, успешно прочел собравшейся почтенной публике главы из своей повести⁴⁰.

Интуиция о начале совершенно нового этапа жизни не обманула Анатолия Ванеева, однако последовавшие вскоре события оказались совершенно неожиданными: внук легендарного революционера был арестован, помещен в тюрьму на Шпалерной и обвинен в участии в конспиративной группе, ставившей своей целью «уничтожить партийно-советскую литературу»⁴¹.

Выводы

Анатолий Ванеев в период своей жизни до 1945 г. был образцовым воспитанником советской школы, убежденным материалистом. Его личностные качества сформировались в атеистической семье, имевшей прямое отношение к деятельности первых марксистских кружков России, читавшей революционные преобразования в стране, доверявшей новой государственной власти и ее идеологии. Это отношение к истории молодой страны Советов и это доверие к власти усвоил и сам Ванеев.

³⁹ Эраст Борисович Глинер (1923–2021) стал выдающимся советским и американским астрофизиком, автором физической интерпретации космологической постоянной и гипотезы о природе космологического расширения. Его имя закреплено в науке за явлением вакуума Эйнштейна – Глинера.

⁴⁰ Пригласительный билет Правления Союза советских писателей в Ленинградском ДOME писателей на Первый устный альманах Студии начинающего автора 18 января 1945 г. – #.

⁴¹ Приложение к Заявлению Э. Б. Глинера в комиссию по реабилитации от 22.11.1954. – #.

Процессы становления молодежи проходили под воздействием царившей в стране атмосферы беспрецедентных в истории по своим масштабам научных и промышленных преобразований, великих строек и культа науки. При этом в школе в системах среднего и высшего образования использовались программы, скрыто направленные на подмену представлений о самостоятельности мышления человека его информированностью, личной эрудицией в различных сферах науки и культуры. В результате процессы самоопределения личности происходили под влиянием доминирующего стремления Анатолия Ванеева к количественному накоплению и усвоению знаний на основе навязанной ему системой образования и воспитания материалистической картины мира, что приводило к избыточной рационализации его рефлексии и самоидентичности.

Для Анатолия Ванеева было характерно обостренное отношение к нравственным качествам человека прежде всего и высокая степень требовательности к самому себе. В перспективе дальнейшей жизни, при столкновении с советскими реалиями 1930–1940-х гг. со свойственным для того времени идеологическим контролем общественной и личной жизни нравственный максимализм Ванеева повышал риски его конфликта с государственной системой. Это дополнительно усиливалось постепенно укреплявшимся убеждением молодого человека в своем высоком предназначении служения обществу в качестве литератора, призванного отражать в произведениях правду жизни, следовать нравственным идеалам. Знакомство с членом Союза писателей СССР Б. Д. Четвериковым и прием в секцию начинающих авторов при ДOME писателей Ванеев воспринял с воодушевлением как начало нового этапа личной биографии.

1. Беленький, Б. П. «НИИ «Гириконд» – прошлое, настоящее, будущее... (К 80-летию предприятия) / Б. П. Беленький // Электроника: наука, технология, бизнес. – 2019. – № 3 (184). – С. 86–91.
2. Ванеев, А. А. Вторая новизна / А. А. Ванеев // Символ : журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. – Париж, 1994. – № 32. – С. 211–248.
3. Ванеев, А. А. Два года в Абези / А. А. Ванеев // Минувшее : ист. альм. – Париж : Atheneum, 1988. – № 6. – С. 54–203.

4. Ванеев, А. А. Два года в Абези / А. А. Ванеев // Наше наследие. – Москва, 1990. – № 3 (15). – С. 61–83.
5. Ванеев, А. А. Два года в Абези / А. А. Ванеев // Наше наследие. – Москва, 1990. – № 4 (16). – С. 81–103.
6. Ванеев, А. А. Два года в Абези: в память о Л. П. Карсавине / А. А. Ванеев. – Bruxelles : Жизнь с Богом ; Paris : La presse libre, 1990. – 386 с.
7. Ванеев, А. А. Два года в Абези // Два года в Абези: в память о Л. П. Карсавине / А. А. Ванеев. – Bruxelles : Жизнь с Богом ; Paris : La presse libre, 1990. – С. 5–189.
8. Ванеев, А. А. Интервью, которое автор книги «Два года в Абези» дал корреспонденту журнала «Крисчен Уорлд Монитор» // Два года в Абези: в память о Л. П. Карсавине / А. А. Ванеев. – Bruxelles : Жизнь с Богом ; Paris : La presse libre, 1990. – С. 190–194.
9. Ванеев, А. А. Заметки к вопросу о религии / А. А. Ванеев // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2022. – № 6. – С. 25–34.
10. Ванеев, А. А. Мысленные наблюдения по поводу религии и атеизма. Тезисы / А. А. Ванеев // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. – 2022. – № 4 (16). – С. 213–220.
11. Ванеев, А. А. Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина // Два года в Абези: в память о Л. П. Карсавине / А. А. Ванеев. – Bruxelles : Жизнь с Богом ; Paris : La presse libre, 1990. – С. 337–366.
12. Ванеев, А. А. Под углом зрения умоперемены / А. А. Ванеев // Символ : журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. – Париж, 1994. – № 32. – С. 249–253.
13. Ванеев, А. А. Сон литературоведа, или АНТИФАУСТ / А. А. Ванеев // Символ : журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. – Париж, 2005. – № 49. – С. 209–228.
14. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – Москва : Академический проект : Раритет, 2001. – 894 с.
15. Достоевский, Ф. М. Письмо Н. Д. Фонвизиной. Конец января – 20-е числа февраля 1854 // Собрание сочинений : в 15 т. Т. 15. Письма / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – С. 95–98.
16. Иванов, К. Ванеев, ученик Карсавина / К. Иванов // Наше наследие. – Москва, 1990. – № 3 (15). – С. 60–61.
17. Карсавин, Л. П. Дух и тело / Л. П. Карсавин; пер. с лит. и филос. ред. А. А. Ванеева; подгот. к публ. и коммент. В. И. Шаронова // Соловьёвские исследования. – 2022. – Вып. № 3 (75). – С. 97–122.
18. Ленин, В. И. Письма к родным. 1894–1919 / В. И. Ленин. – Москва : Гос. изд-во, 1931. – С. 484.
19. Лепешинская, О. Б. Путь в революцию. Воспоминания старой большевички / О. Б. Лепешинская; лит. запись З. Л. Дичарова. – Пермь : Пермское книжное издательство, 1955. – С. 118.
20. Ленин, В. И. Предисловие к сборнику «За 12 лет» // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 16. Июнь 1907 – март 1908 / В. И. Ленин. – Изд. 5-е. – Москва : Изд-во полит. лит., 1973. – С. 95–113.
21. Осколок, К. В. Студенчество советской университетской химической школы / К. В. Осколок // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 5 (27). – С. 105–110.
22. Сильвин, М. А. Ленин в период зарождения партии. Мои встречи с В. И. Лениным / М. А. Сильвин // Пролетарский пролог. Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1893–1904 годах. – Ленинград : Лениздат, 1983. – С. 108–119.
23. Симонов, К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине / К. М. Симонов. – Москва : Книга, 1990. – С. 431.
24. Соловьева, М. М. Писатель и социалистическое строительство (по материалам «Литературной газеты» 1930-х годов) / М. М. Соловьева // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14. Вып. 1. – С. 100–105.
25. Союз науки и труда // Нижний Новгород – столица радио / Музей «Нижегородская радиолaborатория» Университета Лобачевского. – Вып. № 6. – С. 31. – URL: http://www.nrl.unn.ru/wp-content/uploads/sites/36/2021/04/NN_

- STOLITSA_radio_Vypusk_06_1922.pdf
(дата обращения: 23.05.2023).
26. Терентьева, В. И. Портрет на фоне эпохи. Анатолий Ванеев (1872–1899): биографический очерк / В. И. Терентьева; Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское». – Шушенское, 2012. – С. 76.
  27. Товарищи в борьбе. Письма соратников В. И. Ленина. 1896–1900. – Красноярск: Книжное издательство, 1973. – С. 491.
  28. Ульянов, Д. И. Очерки разных лет. Воспоминания. Переписка. Статьи / Д. И. Ульянов. – Москва: Политиздат, 1974. – С. 207.
  29. Шаронов, В. И. Анатолий Ванеев: «В теме атеизма Карсавин наш союзник...» (предисловие к статье А. Ванеева «Заметки к вопросу о религии») / В. И. Шаронов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2022. – № 6. – С. 3–25.
  30. Шаронов, В. И. Погружая мысль в благодарную память. Предисловие к письмам Анатолия Ванеева к Льву Карсавину / В. И. Шаронов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2022. – № 4. – С. 19–29.
  31. Шпотов, Б. М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества / Б. М. Шпотов. – Москва: Либроком, 2013. – С. 320.
  32. Alla Sariban. 1989. Der schmale u Gott. Meine Erfahrungen im realen Sozialismus der Sowjetunion. Marthias-Grünwald-Verlag-Mains. P. 183.

Получено 30.04.2023

Vladimir I. Sharonov

*Candidate of Pedagogic
Sciences*

*Western branch of RANEPА,
Kaliningrad, Russia*

E-mail: sharonovvi@gmail.com

**Metania of Anatoly Vaneev.
The Cultural and Theoretical Reconstruction
of the Life and Spiritual Path
of the Follower of Lev Karsavin**

The Wheir

Abstract. The author provides the readers with the first article from the series of research papers (out of the three publications that have been planned) about Anatoly Anatolyevich Vaneyev, his life experience and cultural self-determination under the conditions of Soviet state atheism. Influenced by a meeting with one of the largest Russian religious thinkers, Vaneev rethought his personal materialism and discovered the ability of independent theoretical thought. Vaneev's original ideas about the relationship between religious and secular spheres of culture open up new perspectives of Russian cultural studies.

Keywords: Karsavin, Vaneev, atheism, religious consciousness, secular culture, Russian religious philosophy, biography reconstruction

For citing: Sharonov V. I. Metania of Anatoly Vaneev. The Cultural and Theoretical Reconstruction of the Life and Spiritual Path of the Follower of Lev Karsavin. The Wheir. *Culture and Arts Herald*. № 2 (74): 52–64.

References

1. Belenkii B. P. 2019. NII "Girikond" – past, present, future... (To the 80th anniversary of the enterprise). *Elektronika: nauka, tekhnologiya, biznes [Electronics: science, technology, business]*. No 3 (184): 86–91. (In Russ.).
2. Vaneev A. A. 1994. Second novelty. *Simvol: zhurnal khristianskoy kul'tury pri Slavyanskoy biblioteke v Parizhe [Symbol: magazine of Christian culture at the Slavic Library in Paris]*. Paris. No 32: 211–248. (In Russ.).
3. Vaneev A. A. 1988. Two years in Abezi. *Minuvshee [Past]*. Paris: Atheneum. No 6: 54–203. (In Russ.).
4. Vaneev A. A. 1990. Two years in Abezi. *Nashe nasledie [Our heritage]*. Moscow. No 3 (15): 61–83. (In Russ.).
5. Vaneev A. A. 1990. Two years in Abezi. *Nashe nasledie [Our heritage]*. Moscow. No 4 (16): 81–103. (In Russ.).
6. Vaneev A. A. 1990. Dva goda v Abezi: v pamyat' o L. P. Karsavine [Two years in Abezi: in memory of L. P. Karsavin]. Bruxelles: Zhizn' s Bogom; Paris: La presse libre. 386 p. (In Russ.).
7. Vaneev A. A. 1990. Two years in Abezi. *Dva goda v Abezi: v pamyat' o L. P. Karsavine [Two years in Abezi: in memory of L. P. Karsavin]*. Bruxelles: Zhizn' s Bogom; Paris: La presse libre. P. 5–189. (In Russ.).
8. Vaneev A. A. 1990. Interview given by the author of the book "Two Years in Abezi" to the correspondent of the magazine "Christian World Monitor". *Dva goda v Abezi: v pamyat' o L. P. Karsavine [Two years in Abezi: in memory of L. P. Karsavin]*. Bruxelles: Zhizn' s Bogom; Paris: La presse libre. P. 190–194. (In Russ.).
9. Vaneev A. A. 2022. Notes on the Question of Religion. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. No 6: 25–34. (In Russ.).
10. Vaneev A. A. 2022. Mental observations about religion and atheism. Abstracts. *Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*. No 4 (16): 213–220. (In Russ.).
11. Vaneev A. A. 1990. Essay on the life and ideas of L. P. Karsavin. *Dva goda v Abezi: v pamyat' o L. P. Karsavine [Two years in Abezi: in memory of L. P. Karsavin]*. Bruxelles: Zhizn' s Bogom; Paris: La presse libre. P. 337–366. (In Russ.).
12. Vaneev A. A. 1994. From the point of view of the mind-bending. *Simvol: zhurnal khristianskoy kul'tury pri Slavyanskoy biblioteke v Parizhe [Symbol: magazine of Christian culture at the Slavic Library in Paris]*. Paris. No 32: 249–253. (In Russ.).
13. Vaneev A. A. 2005. Dream of a literary critic, or ANTIFAUST. *Simvol: zhurnal khristianskoy kul'tury pri Slavyanskoy biblioteke v Parizhe [Symbol: magazine of Christian culture at the Slavic Library in Paris]*. Paris. No 49: 209–228. (In Russ.).
14. Zenkovskii V. V. 2001. Istoriya russkoy filosofii [History of Russian philosophy]. Moscow: Akademicheskii proekt: Raritet. 894 p. (In Russ.).
15. Dostoevskii F. M. 1996. Letter to N. D. Fonvizina. End of January – 20th of February 1854. *Sobranie sochineniy [Collected Works]*. In 15 vol. Vol. 15. Letters. St. Petersburg: Nauka. P. 95–98. (In Russ.).
16. Ivanov K. 1990. Vaneev, student of Karsavin. *Nashe nasledie [Our heritage]*. Moscow. No 3 (15): 60–61. (In Russ.).
17. Karsavin L. P. 2022. Spirit and body. Transl. from Lith. and philos. ed. by A. A. Vaneev. Prep. for publ. and comments by V. I. Sharonov. *Solov'evskie issledovaniya [Solovyov's research]*. No 3 (75): 97–122. (In Russ.).
18. Lenin V. I. 1931. Pis'ma k rodnym. 1894–1919 [Letters to relatives. 1894–1919]. Moscow: Gos. izd-vo. P. 484. (In Russ.).
19. Lepeshinskaia O. B. 1955. Put' v revolyutsiyu. Vospominaniya staroy bol'shevichki [The path to revolution. Memories of an Old Bolshevik]. Lit. record by Z. L. Dicharov. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo. P. 118. (In Russ.).
20. Lenin V. I. 1973. Preface to the collection "For 12 years". *Polnoe sobranie sochineniy [Full composition of writings]*. In 55 vol. Vol. 16. June 1907 – March 1908. Moscow: Izd-vo polit. lit. P. 95–113. (In Russ.).

21. Oskolok K. V. 2014. Students of the Soviet University School of Chemistry. *Historical and social-educational idea*. No 5 (27): 105–110. (In Russ.).
22. Silvin M. A. 1983. Lenin during the birth of the party. My meetings with V. I. Lenin. *Proletarskiy prolog. Vospominaniya uchastnikov revolyutsionnogo dvizheniya v Peterburge v 1893–1904 godakh [Proletarian prologue. Memoirs of participants in the revolutionary movement in St. Petersburg in 1893–1904]*. Leningrad: Lenizdat. P. 108–119. (In Russ.).
23. Simonov K. M. 1990. Glazami cheloveka moego pokoleniya: Razmyshleniya o I. V. Staline [Through the eyes of a man of my generation: Reflections on I. V. Stalin]. Moscow: Kniga. P. 431. (In Russ.).
24. Soloveva M. M. 2014. The writer and socialist construction (based on the materials of the “Literaturnaya gazeta” of the 1930s). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. Vol. 14. Iss. 1: 100–105. (In Russ.).
25. Union of Science and Labor. *Nizhny Novgorod – stolitsa radio [Nizhny Novgorod – the capital of radio]*. Museum “Nizhny Novgorod Radio Laboratory” of Lobachevsky University. Iss. 6. P. 31. Available from: http://www.nrl.unn.ru/wp-content/uploads/sites/36/2021/04/NN_STOLITSA_radio_Vypusk_06_1922.pdf (accessed: 23.05.2023). (In Russ.).
26. Terenteva V. I. 2012. Portret na fone epokhi. Anatoliy Vaneev (1872–1899): biograficheskiy ocherk [Portrait against the backdrop of the era. Anatoly Vaneev (1872–1899): biographical sketch]. Shushenskoe. P. 76. (In Russ.).
27. Tovarishchi v bor'be. Pis'ma soratnikov V. I. Lenina. 1896–1900 [Comrades in the fight. Letters from associates of V. I. Lenin. 1896–1900]. 1973. Krasnoyarsk: Knizhnoe izdatel'stvo. P. 491. (In Russ.).
28. Ulianov D. I. 1974. Ocherki raznykh let. Vospominaniya. Perekiska. Stat'i [Essays from different years. Memories. Correspondence. Articles]. Moscow: Politizdat. P. 207. (In Russ.).
29. Sharonov V. I. 2022. Anatoly Vaneev: “In the topic of atheism, Karsavin is our ally...” (preface to the article of A. Vaneev “Notes on the question of religion”). *Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy*. No 6: 3–25. (In Russ.).
30. Sharonov V. I. 2022. Immersing the thought in a grateful memory Preface to the publication: Vaneev A. A. Letters to the Teacher. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. No 4: 19–29. (In Russ.).
31. Shpotov B. M. 2013. Amerikanskiy biznes i Sovetskiy Soyuz v 1920–1930-e gody: labirinty ekonomicheskogo sotrudnichestva [American Business and the Soviet Union in the 1920s–1930s: Labyrinths of Economic Cooperation]. Moscow: Librokom. P. 320. (In Russ.).
32. Alla Sariban. 1989. Der schmale u Gott. Meine Erfahrungenimrealen Sozialismus der Sowjetunion. Marthias-Grünwald-Verlag-Mains. P. 183. (In Germ.).

Received 30.04.2023